

Научная статья

УДК 343.85

doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.496-503

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ИЛИ ИСПРАВЛЕНИЕ?

Александр Яковлевич Гришко^{1,2}

¹ Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Россия

² Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Рязань, Россия, grishkoaleksandr@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена определению понятий предупреждения преступлений как цели наказания и исправления осужденного. Цель статьи – провести на основе анализа проблем терминологии систематизацию научных и законодательных подходов к определению дефиниции «предупреждение преступлений», а также дать научный обзор существующих позиций по данной проблеме. На протяжении десятков лет в криминологии идут дебаты по поводу содержания указанного понятия и смежных с ним, одним из которых является термин «исправление осужденного». Результаты этих дебатов не остаются в поле зрения только теории. В начале 2000-х годов сделана попытка придать рассматриваемому понятию законодательную силу. Отмечая такое движение как положительное явление, имеющее практическое значение в плане унификации данного понятия и смежных с ним, обозначаются проблемы, требующие дальнейшего исследования. На основе проведенного анализа высказаны предложения по совершенствованию законодательной трактовки терминов «предупреждение преступлений», «противодействие преступности», «исправление осужденных» и др.

Ключевые слова: профилактика, предупреждение, противодействие, преступление, борьба с преступностью, предотвращение, исправление

Для цитирования

Гришко А. Я. Предупреждение или исправление? // *Человек: преступление и наказание*. 2025. Т. 33(1–4), № 4. С. 496–503. DOI: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.496-503.

Original article

PREVENTION OR CORRECTION?

Alexander Yakovlevich Grishko^{1,2}

¹ Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russia

² Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ryazan, Russia,
grishkoaleksandr@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the definition of the concepts of crime prevention as the purpose of punishment and correction of a convicted person. The purpose of the article is to systematize scientific and legislative approaches to the definition of "crime prevention" based on the analysis of terminology problems, as well as to provide a scientific overview of existing positions on this issue. For decades, there has been a debate in criminology about the content of this concept and related ones, one of which is the term "convict correction." The results of these debates do not remain in the field of theory alone. In the early 2000s, an attempt was made to give the concept in question legislative force. Noting such a movement as a positive phenomenon that has practical significance in terms of the unification of this concept and related ones, problems requiring further research are identified. Based on the analysis, proposals were made to improve the legislative interpretation of the terms "crime prevention", "crime prevention", "correction of convicts", etc.

Keywords: prevention, prevention, counteraction, crime, fight against crime, prevention, correction

For citation

Grishko, A. Ya. 2025, 'Prevention or correction?', *Man: crime and punishment*, vol. 33(1–4), iss. 4, pp. 496–503, doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.496-503.

Уголовное законодательство в числе целей наказания устанавливает в том числе исправление осужденного и предупреждение совершения им и иными лицами новых преступлений (ст. 43 УК РФ). Аналогичные цели стоят перед уголовно-исполнительным законодательством (ч. 1 ст. 1 УИК РФ). Названные цели не являются декларативными. Помимо преюдициальных и иных норм указанных законодательств их реализация обеспечивается и другими законодательными и нормативными правовыми актами. Речь, в частности, идет о законодательстве, пробации, об установлении управомоченного органа, призванного осуществлять контроль за условно-досрочно освобожденными. Указанные и иные меры эффективны при реализации цели предупреждения совершения преступления лицами, ранее их совершившими. Количество таких преступлений снизилось в 2022 г. на 2,1 %, 2023 – на 9,1, в 2024 г. – на 14,7 %. Между тем доля преступлений, совершенных указанными лицами, остается значительной. В 2024 г. удельный вес таких лиц составил 57,1 %, что требует особого внимания. Речь идет о теоретических и законодательных путях решения проблемы.

С теоретической точки зрения остается актуальным вопрос определения содержания понятий «предупреждение», «исправление» и смежных с ними – «профилактика», «предотвращение», «противодействие» и др.

Нормативно понятие «исправление осужденных» закреплено в ч. 1 ст. 9 УИК РФ. Оно определяется как формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения. Это определение практически снимает дискуссионность в науке уголовно-исполнительного права по этому вопросу, которая имела место на протяжении нескольких десятилетий.

В определенной мере следует поддержать точку зрения авторов относительно придания понятию исправления только юридического смысла. Полагаем, что осужденный реализовал установку исправления готовностью и способностью не совершать новое преступление. При этом не имеет значения, в результате чего это достигается: переоценки смысла жизни, осознания нецелесообразности своего неправомерного поведения или формирования «страха» быть вновь наказанным.

Вместе с тем правовое понятие «исправление осужденного» отражает более значимую и глубокую работу сотрудников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС) с личностью в плане изменения убеждений, взглядов, а также поведения согласно новым убеждениям, осознанности значимости социальных ценностей и недопустимости криминальных посягательств на них. Данный тезис подкрепляется результатами анализа нормативных установлений относительно организации воспитательной работы с осужденными, стимулирования их правопослушного поведения.

Отправным моментом исправления осужденных является их стремление минимизировать негативные последствия совершенного преступления. Прямого указания закона на это обстоятельство нет. Однако подтверждением этого является наличие в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации нормы, которая требует отражения в характеристике осужденного, обратившегося с ходатайством в суд об условно-досрочном освобождении, сведений о возмещении вреда, причиненного преступлением, раскаянии в совершенном деянии (ч. 1 ст. 175 УИК РФ). Возмещение причиненного преступлением вреда и раскаяние в совершенном деянии – уголовно-правовые критерии, позитивно характеризующие личность осужденного и его стремление к исправлению.

Минимизация вреда, причиненного преступлением, является задачей, характерной именно для уголовно-исполнительного законодательства в плане достижения цели исправления осужденного. На стадии исполнения наказания реализуется принцип справедливости относительно защиты прав и законных интересов потерпевшего от преступления. Практика реализации данного принципа свидетельствует о проблемности вопроса минимизации вреда, причиненного преступлением. Удельный вес возмещения осужденными причиненного вреда не превышает 3,0 % [1, с. 58].

На заседании Совета безопасности Российской Федерации в сентябре 2020 г. было отмечено, что ряд существенных положений, касающихся вопросов восстановления социальной справедливости в части возмещения вреда, причиненного преступлением, не получили должного законодательного закрепления [2]. Это касается вопроса нормативного правового определения целей уголовно-исполнительного законодательства [2, с. 25]. Минимизация последствий совершенного преступления, в частности, в форме возмещения вреда, не только указывает на исправление осужденного, но и имеет

профилактическое значение в части недопущения совершения преступления как осужденным, так и иными лицами. Значение возмещения вреда как мерило преступности отмечал еще Ч. Беккария [3].

Нередкое отсутствие решения вопроса о возмещении вреда порождает у граждан неверие в право, в возможность защитить свои права, свободы и законные интересы, что оказывает неоднозначное воздействие на состояние правосознания, детерминируя ту или иную его трансформацию [4]. К сожалению, в теории и практике далеко не всегда учитываются права и законные интересы собственника имущества, отмечает Л. В. Ведерникова [5, с. 14]. Игнорирование прав и законных интересов потерпевшего имеет место и на концептуальном уровне. Характеризуя Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, В. И. Селиверстов как положительное отмечает дополнение ее новым разделом «Обеспечение прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей» [6, с. 70]. При этом забываются права и законные интересы потерпевшего от преступления, и отражение их в данной Концепции касательно совершенствования законодательства в этой сфере представляется необходимым. Следует максимально конкретизировать понятие исправления, установленное в ч. 1 ст. 9 УИК РФ. Возможен и другой вариант. Учитывая высокую степень сопряженности понятий «предупреждение» и «исправление», закрепить понятие «противодействие преступности» в УИК РФ. Базовыми установками для такого определения могут быть федеральные законы «О противодействии терроризму», «О противодействии коррупции». Предлагаем следующую формулировку нормы ч. 1 ст. 1 УИК РФ: «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и новыми лицами». В этих целях законодатель устанавливает дифференцированные условия отбывания наказания, различные виды контроля и прокурорский надзор за их соблюдением, основные средства исправления осужденных. Данные меры относятся к категории частных, так как направлены на исправление осужденных и недопущение с их стороны новых преступлений.

Предупреждение преступлений со стороны иных лиц (общее предупреждение) достигается прежде всего фактом привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности, назначением ему наказания и его исполнением в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством. Значимым фактором является доведение до сведения граждан информации об исполнении наказаний, о результатах контрольно-надзорной деятельности соответствующих субъектов через средства массовой информации. Одной из таких форм являются ежегодные отчетные доклады о деятельности Уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации, публикуемые в центральных или региональных средствах печати.

Относительно понятия «предупреждение преступлений» существуют различные точки зрения. Так, Ю. М. Антонян в содержание этого определения включает профилактику, предотвращение и пресечение преступлений, исправление преступника [7]. Исправление осужденного лежит в основе предупреждения совершения осужденным нового преступления (частная превенция), так как оно предполагает формирование у него уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения (ч. 1 ст. 9 УИК РФ).

В отличие от понятия «исправление», дефиниция «предупреждение» не получила своего законодательного или какого-либо иного нормативного правового закрепления на межведомственном уровне. В Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы (приказ Минюста России от 20 мая 2013 г. № 72), раскрывается только деятельность по предотвращению и профилактике правонарушений. Системный анализ понятий, установленных в указанном нормативном правовом акте, позволяет заключить, что они выражают более общее понимание – предупреждение преступлений. Между тем необходимость в нормативном определении понятия в исследуемой сфере существует. Предупреждение преступлений как цель уголовно-исполнительного законодательства по сравнению с предупреждением преступлений в других сферах имеет свои особенности. Речь, в частности, идет о соотношении понятий «предупреждение преступлений», «исправление осужденных», «минимизация последствий совершенного преступления».

Отсутствие нормативного правового определения понятия «предупреждение» и оценочный подход к законодательному определению понятия «исправление», различное его понимание в научной литературе не позволяют установить их особенности, отличия друг от друга. Соответственно это обуславливает усмотрительный подход субъектов уголовно-исполнительной деятельности к определению средств достижения указанных целей, к оценке их результатов, степени их достижения.

Законодательное или иное нормативное правовое закрепление понятия «предупреждение», уточнение дефиниции «исправление», более конкретное раскрытие его содержания, безусловно, максимально облегчит субъективно-усмотрительный подход к пониманию. Этому может способствовать также уточнение терминологии на ином нормативно-правовом уровне. Речь идет, в частности, о раскрытии содержания форм профилактического воздействия на осужденных, установленных приказом Минюста России от 20 мая 2013 г. № 72.

Трудно согласиться с авторами, которые считают оправданным оставление за пределами правового регулирования ряда вопросов, связанных с достижением целей предупреждения и исправления осужденных [8]. «...Исправление осужденных и предупреждение совершения ими преступлений направлены не просто на регулирование их внешнего поведения, а на изменение мотивационной составляющей в положительную сторону, что само по себе находится вне правового поля», – пишет А. А. Храмов [9, с. 31]. Автор не уточняет, какие аспекты указанных целей могут находиться вне правового поля. Приведенное в большей мере можно отнести к понятию «исправление». Дефиниция «предупреждение» регламентируется законами и иными нормативными правовыми актами, которые, в частности, определяют осужденных, за которыми устанавливается административный надзор, которые подлежат постановке на профилактический учет и т. п. При этом предупреждение не всегда может охватываться понятием «исправление». Система мер, применяемых к осужденным, может служить препятствием для совершения нового преступления, но у осужденного за весь период отбывания наказания может не сформироваться уважительное отношение к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития (ч. 1 ст. 9 УИК РФ), а нового преступления он не совершает, например, из-за страха получить новое наказание.

В конечном итоге можно сделать вывод о том, что различные трактовки понятия «предупреждение преступлений» и смежных с ним дефиниций влияют на эффективность действующего законодательства. Ретроспективный анализ определения его со-

держания в теории криминологии и в нормативно-правовом аспекте свидетельствует о том, что понятие «предупреждение преступления», уяснение его сущностной стороны, закрепление его в отдельных законодательных актах, безусловно, следует оценивать как дальнейшее его развитие в научно-теоретическом и правовом аспектах. Вместе с тем данная тема продолжает вызывать научно-практический интерес. Рассматриваемое понятие является предметом криминологии, поэтому представителям именно этой науки принадлежит первостепенная роль в развитии научного подхода к нему. От того, насколько глубоко будет разработана данная тема, будет зависеть правомерность его использования в конкретных отраслях законодательства. Известно, что отдельные правовые институты наиболее развиты в соответствующих отраслях права, поэтому при их использовании в других отраслях права нужно исходить из их базовых определений, традиционно содержащихся в соответствующих отраслях права. Нет необходимости утверждать, что институт собственности является предметом гражданского права, поэтому при его применении в других отраслях права надо исходить из его базового гражданско-правового содержания. Понятие «предупреждение преступлений» относится к криминологии.

Сопоставительный анализ использования данной дефиниции в различных отраслях законодательства свидетельствует об актуальности решения данного вопроса. В административном и уголовно-исполнительном законодательстве предупреждение трактуется как вид наказания (ст. 3.2 КоАП РФ) или мера взыскания (ч. 2 ст. 58 УИК РФ). В законах используется термин «официальное предостережение» (предостережение), по сути, идентичный термину «предупреждение» (ст. 20 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»).

Законодательное оформление понятия «предупреждение преступлений» должно быть системным. Наряду с унификацией понятия «предупреждение» и смежных с ним понятий («профилактика», «предотвращение») в различных законодательствах требуется его соотнесение с другими близкими понятиями. Речь идет прежде всего о таких значимых в сфере борьбы с преступностью понятиях, как «исправление осужденного» и «возмещение вреда, причиненного преступлением потерпевшему».

По мнению И. М. Мацкевича, понятие «борьбы с преступностью» представляется слишком размытым и недостаточно точно отражающим цель. Аналогичную позицию занимают А. И. Долгова и В. А. Уткин. На наш взгляд, борьбу с преступностью следует представлять как направление уголовной политики, включающее в себя профилактику, предотвращение преступлений (составных определения «предупреждение преступлений»), минимизацию вреда потерпевшему от преступления и др. При определении степени приоритетности понятий «противодействие преступности» и «борьба с преступностью» немаловажным является и их эмоциональное восприятие в обществе в целом и среди правоохранителей в частности. По нашему мнению, термин «борьба» нацеливает на активную наступательную деятельность, а «противодействие» воспринимается как защита от преступлений, то есть является пассивной реакцией на преступность. При этом нельзя не учитывать, что термин «борьба» уже стал традиционным в криминологии и правоохранительной деятельности.

Список источников

1. Гришко А. Я. Возмещение вреда, причиненного преступлением: постановка проблемы // *Административное право и процесс.* 2017. № 10. С. 56–60.

2. Фалалеев М. Жертвам преступлений предложили обеспечить компенсацию и госзащиту // Рос. газ. 2021. 12 июля.
3. Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. 226 с.
4. Фролов А. Н. Механизм влияния трансформированного правосознания на содержание и реализацию права в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018. 32 с.
5. Ведерникова Л. В. Безвозмездность как признак завладения вверенным имуществом // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 3. С. 3–14.
6. Селиверстов В. И. Изменения в уголовно-исполнительной политике и уголовно-исполнительном законодательстве в сфере исполнения лишения свободы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 2. С. 69–81.
7. Антонян Ю. М. Наука криминология : монография. М. : Юрлитинформ, 2015. 364 с.
8. Антонян А. Г. Оценочные категории в уголовно-исполнительном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2016. 40 с.
9. Храмов А. А. Пробелы в уголовно-исполнительном законодательстве России : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2022. 230 с.

References

1. Grishko, A. Ya. 2017, 'Compensation for harm caused by a crime: posing a problem', *Administrative law and process*, iss. 10, pp. 56–60.
2. Falaleev, M. 2021, 'Victims of crimes were offered compensation and state protection', *Rossijskaja gazeta*, July 12.
3. Beccaria, Ch. 1939, *On crimes and punishments*, Moscow.
4. Frolov, A. N. 2018, *The mechanism of influence of the transformed legal consciousness on the content and realization of law in modern Russia: PhD thesis (Law)*, N. Novgorod.
5. Vedernikova, L. V. 2016, 'Gratuitousness as a sign of taking possession of entrusted property', *Bulletin of Tomsk State University. Law*, iss. 3, pp. 3–14.
6. Seliverstov, V. I. 2016, 'Changes in penal enforcement policy and penal enforcement legislation in the sphere of execution of imprisonment', *Bulletin of Tomsk State University. Law*, iss. 2, pp. 69–81.
7. Antonyan, Yu. M. 2015, *Science of criminology: monograph*, YurLitinform, Moscow.
8. Antonyan, A. G. 2016, *Evaluative categories in penal law: PhD thesis (Law)*, Tomsk.
9. Khramov, A. A. 2022, *Gaps in the penal legislation of Russia: PhD thesis (Law)*, Ryazan.

Информация об авторе

А. Я. Гришко – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина); профессор кафедры уголовного права и криминологии (Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя).

Information about the author

A. Ya. Grishko – Sc.D (Law), Professor, professor of the criminal law disciplines department (Ryazan State University named after S. A. Yesenin); professor of the criminal law and criminology department (Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot)

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 30.10.2025; принята к публикации 24.11.2025.

The article was submitted 22.09.2025; approved after reviewing 30.10.2025; accepted for publication 24.11.2025.